

Ансамбль «Мансудэ» на сцене Большого

Еще не забыв впечатлений от блистательных гастролей театров «Ла Скала», Английской национальной оперы, театра города Штутгарта, я спешила на представление Художественного ансамбля из КНДР, предвкушая радость от встречи с неизвестным доселе коллективом, приехавшим на сей раз с Востока. Я готовилась к знакомству с труппой, которая наверняка несет своеобразие искусства своей страны, ее вековых национальных традиций.

Увы, мои надежды не оправдались. Более того, опера «Цветочница» композитора Сен Дон Чуна, посвященная судьбе бедной деревенской семьи, страдающей от издевательств помещика, вызвала у меня лично недоумение и вопрос: как можно столь банальным, примитивным произведением и спектаклем занимать прекрасную сцену Большого театра в течение восьми вечеров?.. Сцену, выступить на которой считают за честь многие коллективы!

И хотя музыка оперы достаточно мелодична (правда, этот мелодизм имеет оттенок салонности), она совершенно лишена даже тени драматургии, в ней почти нет даже попыток очертить ситуацию, характеры. Навязчиво, монотонно повторяется один и тот же напев, изредка перемежаясь с другим музыкальным материалом. Бедность инструментовки и тем неприятно удивляет. Все представление можно было бы назвать оперой-песней, которую поет хор, находящийся в оркестровой яме. Поет непрерывно и уж слишком долго и однообразно. А на сцене иллюстрируется текст, абсолютно не связанный с музыкой.

Мне могут возразить, что коллектив называет себя не театром, а ансамблем. Ну что ж, как бы он себя ни называл, драматургической выстроенности требует даже концертная программа, а подмостки театра — тем более. Законы сцены, публичного исполнения, человеческого восприятия существуют объективно и названию не подвластны.

Содержание оперы отличается чрезвычайной сентиментальностью. В таком же стиле ведется и представление. Чудовищное нагромождение бед, которые обрушиваются на сестер, мать и брата, образы которых лишены минимальной конкретности, демонстрация бесконечных жестоких выходов помещика отнюдь не вызывает сочувствия, хотя, видимо, именно на это направлены старания постановщика и артистов. Налицо — «масло масляное», как говорил К. С. Станиславский, да еще в кубе.

Создателям спектакля явно не хватает чувства меры и понимания необходимости мужества творчества. Бесконечный плач, страдания никого не трогают.

Сцены из спектакля «Цветочница». На снимке справа: Цой Хе Ок — Котпуни, Кэ Ун Сим — Сун Хи; на нижнем снимке: Цой Хе Ок — Котпуни, Кэ Ун Сим — Сун Хи и Мун Хе Сук — Мать.
Фото Н. Коробовой.

Ведь на публику производит впечатление сопротивление страданиям, борьба с препятствиями как в душе человека, так и во внешнем мире.

Справедливости ради замечу, что голоса исполнителей красивые, ровны и чисты, и совершенно излишними были микрофоны — их призывок сделал голоса преувеличенными, неестественными. Вообще преувеличение и неестественность — стиль этого спектакля. Это отразилось и на оформлении спектакля. Яркие, чистые краски часто меняющихся пейзажей, выполненных в стиле пасхальных открыток, сами по себе радуют глаз. Их смена выполняется достаточно ловко. Но их красивость не только совершенно не вяжется с содержи-

ем, но и усиливает нестерпимую сентиментальность зрелища.

Некоторые положительные моменты «Цветочницы» не исправляют общего впечатления — точно мы вернулись на пятьдесят лет назад в глухую сталинскую эпоху и вновь ощутили силу щупальцев культа, мертвящих живое искусство.

Создается впечатление, что организаторы гастролей задались целью показать нам, каким не должно быть оперное искусство, оперный спектакль. Ну что ж, если это так, то они этого достигли. Отрицательный опыт — тоже опыт. Только какова его цена? Не слишком ли велика она?

Наталья СЕРГЕЕВА,
кандидат искусствоведения.